

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

ПОЛКОВОДЦЫ
СССР И ГЕРМАНИИ
1941–1945

ХХ военные
тайны
века

АЛЕКС ГРОМОВ

Военные тайны XX века

Алекс Бертран Громов

**Победители и побежденные.
Полководцы СССР и
Германии. 1941-1945**

«ВЕЧЕ»

2021

Громов А.

Победители и побежденные. Полководцы СССР и Германии.
1941-1945 / А. Громов — «ВЕЧЕ», 2021 — (Военные тайны XX
века)

ISBN 978-5-4484-8639-5

Уходит в прошлое Великая Отечественная война, навсегда изменившая представления людей о войне и мире. Герои этой книги – военачальники Восточного фронта – маршалы и генералы РККА, фельдмаршалы и генералы вермахта. Кем же были полководцы Великой Отечественной? Какой они видели войну и как вошли в ее историю? Книга, в которой широко использованы мемуары и архивные документы, позволяет по-иному взглянуть на историю войны с двух сторон фронта и узнать многие ранее неизвестные подробности знаменитых сражений.

ISBN 978-5-4484-8639-5

© Громов А., 2021
© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Предисловие	6
Победители	7
Георгий Жуков. Маршал Победы	7
Упреждающий удар?	7
Вторжение	8
От Ельни до Ленинграда	16
На подступах к Москве	18
Вязьма – надежда и трагедия	22
Между Ржевом и Сталинградом	25
Прорыв блокады Ленинграда	32
На Курской дуге	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алекс Бертран Громов
Победители и побежденные. Полководцы
СССР и Германии. 1941–1945

© Громов А.Б., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Уходит в прошлое Вторая мировая война. Все меньше остается ее непосредственных участников – и давно нет никого из тех, кто командовал фронтами, армиями, дивизиями, разрабатывал стратегические операции. Но великая война, навсегда изменившая представления людей не только о войне, но и о мире, продолжает во многом определять нашу действительность.

Тем важнее сейчас становятся обращение к документальным свидетельствам и их беспристрастный анализ. Именно он способен дать объективное представление о ходе событий. О том, как на фронте огромной протяженности – Восточном для Германии и Западном для Советского Союза – столкнулись огромные силы, ведомые военачальниками, изначально уверенными, что воевать придется быстро, малой кровью и на чужой территории.

Но самое главное, то, что часто теряется из виду за поистине эпическим размахом оборон и наступлений: кто же они были, генералы и маршалы Красной армии и вермахта? Какой они видели войну и с чем вошли в историю?

Книга, в которой использованы мемуары и архивные материалы обеих сторон, позволяет взглянуть на историю Великой Отечественной войны с двух точек зрения и раскрывает многие доселе неизвестные подробности знаменитых сражений.

ОБ АВТОРЕ. Алекс Бертран Громов – известный историк и писатель, автор ряда книг, посвященных истории Советского Союза, судьбам государственных деятелей и военачальников. Его произведения изданы в России и за рубежом тиражом более 300 тысяч экземпляров. Руководитель жюри премии Terra Incognita, порталов Terraart и Terrabooks. Лауреат премии им. В.С. Пикуля, золотой медали Евразийской премии в номинации «Исторические исследования», премии литературного журнала «Москва».

Победители

Георгий Жуков. Маршал Победы

Георгий Жуков родился 19 ноября (1 декабря) 1896 года в деревне Стрелковщина (сейчас – Стрелковка) Угодско-Заводской волости Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Учился в церковно-приходской школе, подростком отправился в Москву – постигать основы скорняжного ремесла в мастерской у родственника. Во время Первой мировой войны был призван в армию, за доблесть в боях награжден двумя Георгиевскими крестами.

Потом он прошел и Гражданскую войну, продолжил служить в Красной армии. Впервые полководческий талант Жукова в полной мере проявился во время боев с японцами у реки Халхин-Гол летом 1939 года. После разгрома интервентов комдив Жуков был вызван в Москву, где его принял лично Сталин, подробно расспросив о событиях на Халхин-Голе.

После этого Жуков возглавил Киевский особый военный округ, а потом был возвращен в Москву и назначен начальником Генштаба.

Упреждающий удар?

К марту 1941 года Генеральный штаб завершил разработку мобилизационного плана для промышленности по производству военной продукции на случай войны. Жуков и его заместитель Соколовский представили его Ворошилову (председателю Комитета обороны при СНК). Однако никакого эффекта это не возымело. Жуков доложил самому Сталину, что промышленность мобилизационного плана не имеет. И только тогда дело медленно начало двигаться.

В конце февраля Тимошенко и Жуков провели совещание сотрудников Генштаба по вопросу состояния железных, шоссейных и грунтовых дорог. В результате выявилась удручающая картина: в западных районах шоссе, если и есть, то плохие, а многие мосты могут провалиться, не выдержав даже среднего танка.

8 апреля 1941 года Генеральный штаб направил командующим Западным и Киевским Особыми военными округами распоряжение, в котором обязывал провести ряд мероприятий по созданию новых и использованию старых укрепленных районов, в том числе сформировать кадры управлений укрепрайонами.

В это время нарастала напряженность на западной границе. О концентрации там немецких войск знали многие, тем более те, кому по долгу службы надлежало заниматься вопросами обороны. Германское правительство объясняло создание такой мощной группировки своим намерением скоро вторгнуться в Англию.

Жуков в это не верил. В один из дней он вызвал Василевского и Ватутину, показал им карту, лежавшую у него на столе, и произнес: «Вот последние данные о концентрации немецких войск. Становится очевидным, что эти силы сосредотачиваются у границ для ведения боевых действий против нас. Исходя из этого, необходимо ускорить реализацию нашего плана стратегического развертывания, подготовить новые предложения правительству для принятия решительных контрмер».

13 мая согласно директиве Генштаба началось выдвижение войск из внутренних округов страны (из Поволжья, с Урала, с Дальнего Востока). Всего следовало перебросить 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. Но дивизии не были полностью укомплектованы и не имели всей необходимой техники.

14 мая был осуществлен досрочный выпуск курсантов военных училищ, которых сразу же отправили в войска.

15 мая был готов так называемый «план Жукова» – «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». И в тексте была ясно прописана идея превентивного удара по скопившимся в опасной близости к советской границе немецким войскам. Они уже готовы нанести собственный удар и опередить Красную армию, которая еще не отобилизована, как должно, и может не успеть развернуться. «Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Прочитав документ, Сталин вызвал Жукова и Тимошенко и закричал, адресуя свой гнев в первую очередь начальнику Генштаба: «Вы что, нас пугать пришли войной или хотите войны, вам мало наград или званий?!. Если вы будете на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду».

В тот момент Георгий Константинович был раздосадован. Однако потом пришел к выводу, что вождь был прав. Об этом Жуков говорил военному историку В.А. Анфилову: «Хорошо, что Сталин не согласился с нами. Иначе мы получили бы нечто, подобное Харьковцу в 1942 году».

В конце мая прошло расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), посвященное обороноспособности СССР на тот момент. Доклад делал Жуков. Он настаивал на скорейшей мобилизации, поскольку многие дивизии укомплектованы лишь наполовину, напоминал о нехватке танков, просил ускорить производство другого нового вида вооружения: «Главное артиллерийское управление недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 («Катюши»). Необходимо, товарищ Сталин, немедленно принять решение об их срочном серийном производстве». И, конечно, в который раз речь шла о необходимости налаживания надежной связи. «Необходимы срочные меры, чтобы, пока еще не поздно, привести телефонно-телеграфную сеть, радио- и радиотрансляционную сеть в надлежащий порядок. Без хорошо налаженной связи вооруженные силы успешно воевать не смогут».

По линии разведки тревожных сообщений поступало все больше. 15 июня 1941 года германские приготовления к войне с СССР на польской территории вступили в решающую фазу. За две недели до этого германскими оккупационными властями в Польше были изданы специальные закрытые распоряжения о подготовке населения приграничных районов к предстоящему началу военных действий. 15 июня появился приказ генерал-губернаторства о том, что все жители пограничных с СССР сел и деревень должны до 4 часов 18 июня эвакуироваться на расстояние от трех до двадцати километров от границы (согласно утвержденному ранее германским командованием и руководством генерал-губернаторства плану), в глубь бывшей польской территории.

Вторжение

Драматическая ночь с 21 на 22 июня 1941 года описана в безмерном количестве мемуарных и художественных произведений. Для Жукова, который вместе с Тимошенко уже несколько недель одолевал Сталина докладами о подозрительной военной активности немцев у наших границ и просьбами разрешить приведение войск в боевую готовность, ночь на 22 июня, конечно, не была спокойной. Вечером 21 июня начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М.А. Пуркаев доложил Жукову, что его подчиненные доставили очередного немца-перебежчика, и тот уверяет, что через несколько часов германская армия двинется в наступление на Советский Союз, а сейчас войска уже занимают исходные позиции для этого. Жуков сообщил новость Сталину, и тот распорядился, чтобы Тимошенко и Жуков приехали к нему в Кремль.

Генералы не просто прибыли к вождю, но привезли с собой проект директивы о приведении войск в боевую готовность. Между собой они договорились приложить все усилия, чтобы убедить Сталина одобрить это распоряжение.

Совещание началось без десяти девять вечера. Вместе с Жуковым и Тимошенко приехал Буденный, а в кабинете Сталина их, помимо хозяина, уже ждали Молотов, Ворошилов, Берия и Маленков.

«А не подбросили ли нам этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?» – спросил Сталин.

Тимошенко твердо отвечал, что перебежчик не единственный, да и информация из других источников поступает аналогичная. А на вопрос, что же в таком случае надо сделать, сообщил, что директива о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность и выдвижении их на оборонительные рубежи – уже подготовлена. И кивнул Жукову, который в соответствии с договоренностью стал зачитывать заранее составленные проект директивы.

Но Сталин снова возразил: «Такую директиву сейчас давать преждевременно. Может, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение немецких частей может начаться с провокационных действий. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений».

Жуков и Ватутин спешно переписали директиву, как было указано. Сталин внес еще несколько поправок и наконец-то одобрил ее, передав бумагу Тимошенко, чтобы тот подписал документ на правах наркома обороны.

Теперь текст содержал предупреждение как о возможности неожиданного вторжения немцев, так и о высокой вероятности провокаций. Но все-таки Жуков и Тимошенко в значительной степени смогли настоять на своем – войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов предписывалось быть в полной боевой готовности и если понадобится, отразить натиск немцев и их союзников.

«Военным советам ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.»

Директива была передана в перечисленные военные округа уже за полночь. А предстояло еще довести ее до сведения войск, потом требовалось время на выполнение необходимых действий.

В Генеральном штабе и Наркомате обороны никто не спал и никто не ушел домой. К Жукову и Тимошенко стекалась информация от командующих округами. Те в свою очередь получали сведения от пограничников – и сведения эти были угрожающими: на той стороне границы уже отчетливо слышался усиливающийся шум множества двигателей.

В полночь Жукову из Тарнополя позвонил командующий Киевским округом генерал-полковник Кирпонос и сообщил о новом перебежчике, военном служащем 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии вермахта, который переплыл приграничную речушку и пришел к нашим пограничникам всё с той же информацией – в четыре часа утра немцы пойдут в наступление. Жуков велел Кирпоносу поскорее передавать распоряжение о приведении войск в боевую готовность.

А потом произошло то, неизбежность чего советские лидеры и военачальники, в общем-то, уже понимали, но всеми силами старались отодвинуть. О получении рокового известия Жуков рассказывал так:

«Под утро 22 июня Н.Ф. Ватутин и я находились у наркома обороны С.К. Тимошенко в его служебном кабинете.

В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

– Ваше решение?

– Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил адмиралу Ф.С. Октябрьскому:

– Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М.А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф.И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника управления охраны).

– Кто говорит?

– Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

– Что? Сейчас?! – изумился начальник охраны. – Товарищ Сталин спит.

– Будите немедленно: немцы бомбят наши города, началась война...»

Один из немецких журналистов, сопровождавших войска, писал тогда: «...миллионы немецких солдат ворвались в Россию без энтузиазма, но со спокойной уверенностью в победе». Однако мысль, что это всё же не война, а очень большая провокация, еще сохранялась у некоторых военачальников.

Вскоре после четырех часов утра командующие Западным и Прибалтийским особыми округами доложили, что после бомбовых и артиллерийских ударов на советскую территорию двинулись наземные немецкие части.

В половине пятого Жуков и Тимошенко приехали в Кремль, где в ответ на свой доклад услышали от Сталина вопрос:

– Не провокация ли это немецких генералов?

– Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... – отозвался Тимошенко.

– Если нужно организовать провокацию, – проговорил Сталин, – то немецкие генералы бомбят и свои города...

А потом предположил, что Гитлер ничего не знает о происходящем.

Сразу после этого Молотов связался с посольством Германии и услышал, что посол – граф фон Шуленбург – просит принять его. Молотов отправился на встречу с немецким дипломатом, а вернувшись, произнес роковые слова: «Германское правительство объявило нам войну...»

В тяжелой тишине, повисшей после этой фразы, Жуков произнес, что теперь надлежит всеми силами обрушиться на врага, чтобы задержать его продвижение.

– Не задержать, а уничтожить, – добавил Тимошенко.

– Давайте директиву, – резюмировал Сталин.

«ДИРЕКТИВА

ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ЛВО, ПРИБОВО, ЗАПОВО, КОВО, ОДВО, КОПИЯ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (СССР)

№ 2

22 июня 1941 г. 7 ч. 15 мин.

22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и истребительной авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км.

Разбомбить Кёнигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

ТИМОШЕНКО

МАЛЕНКОВ

ЖУКОВ».

За эту директиву Жукову немало досталось от тех, кто впоследствии писал о событиях первых дней Великой Отечественной войны. Например, от небезызвестного Виктора Суворова: «Жуков требовал наступать вслепую в условиях полного господства противника в воздухе». Впрочем, с таким подходом согласны далеко не все. А.В. Исаев в книге «Георгий Жуков» пишет, что ситуация выглядела иначе: «Первый удар 22 июня был сильным, но далеко не смертельным. Вынос аэродромов к границе на дистанцию артиллерийского залпа был исключением, а не правилом».

О серьезно пострадавшей авиации писал впоследствии и сам Жуков. Но точной информации о происходящем в зоне боевых действий утром 22 июня в Москве не имели. Отчасти это объяснялось нарушенной связью – ведь для немцев в план подготовки к войне входила и диверсионная деятельность, одной из целей которой были как раз средства связи.

Приехав обратно в Наркомат обороны, Жуков и Тимошенко скоро узнали, что «перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения». В результате в первые часы войны и в штабы округов, и в Генштаб посыпалась самая разная информация, далеко не достоверная, а то и устаревшая, иногда паническая, иногда наоборот – занижающая силу противника. Были и заведомо ложные сведения.

Тем временем в стране была объявлена мобилизация. В европейской части Советского Союза было введено военное положение. Особые военные округа отныне становились фронтами: Прибалтийский округ – Северо-Западным фронтом, Западный – соответственно, фронтом Западным, а Киевский округ превратился в Юго-Западный фронт.

Днем 22 июня Сталин, осознавший, что точной информации о происходящем в атакованных районах страны получить не удастся, позвонил Жукову и велел тому, как представителю Ставки Главного командования, немедленно отправиться на Юго-Западный фронт, поскольку «командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись». Надлежало самолетом добраться до Киева, а далее следовать в Тернополь, где находился штаб фронта и командный пункт командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса. В качестве представителя партийно-государственного руководства Жукова должен был сопровождать член Политбюро Хрущев. Пока он был в пути, в Москве сочинили новую директиву, где речь шла о контрнаступлении с выходом на территорию противника. Жуков предложил подождать с директивой хотя бы до утра, пока он не разберется, что непосредственно происходит на фронте. Оставшийся в столице «на хозяйстве» Ватутин вздохнул и сказал, что он тоже так думает, но решение свыше уже принято.

Около полуночи новая директива поступила в штаб Юго-Западного фронта, и Жуков, наконец, смог внимательно ее прочитать, а начальник штаба фронта Пуркаев в первый момент схватился за голову, восклицая, что у войск нет возможности ее выполнить. Впрочем, в такой сложной обстановке было не до эмоций, поэтому руководство фронта и Жуков занялись поиском способа исполнить директиву.

По воспоминаниям начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта Баграмяна, впоследствии Маршала Советского Союза, Жуков тогда «...был хмур. Он молча кивнул в ответ на мое приветствие. Из разговора я понял, что Жуков считает действия командования фронта недостаточно энергичными и целеустремленными. По его словам, много внимания уделяется решению второстепенных задач и слишком медленно идет сосредоточение корпусов. А нужно определить главную опасность и против нее сосредоточить основные усилия. Такой главной угрозой являются танковые и моторизованные группировки противника, глубоко вклинившиеся в глубь нашей обороны. Поэтому основные силы фронта при поддержке всей авиации должны быть брошены именно на эти направления».

Уже было ясно, что все механизированные корпуса фронта не успеют сосредоточиться для нанесения единого мощного удара. Времени для ожидания не было: немецкие мобильные соединения продолжали наступать. На новом заседании Военного совета фронта было решено атаковать прорвавшихся немцев теми силами, которые есть сейчас.

24 июня контрудар по левому флангу наступающей немецкой группировки был нанесен силами 22-го механизированного корпуса и 135-й стрелковой дивизии. Главной целью было оттянуть на себя силы немцев и тем самым помочь вырваться из «котла» 87-й и 124-й стрелковым дивизиям, попавшим в окружение на восточных подступах к Владимиру-Волынскому. Но части Красной армии действовали несогласованно, потери оказались велики, подоспели новые немецкие танковые соединения... В общем, пришлось отступать. А 8-й мехкорпус, как и еще два механизированных и три стрелковых корпуса, еще не успел занять указанный ему район. Основной контрудар был перенесен на 26 июня.

Рано утром 26 июня Жукова, находившегося в Тарнополе, вызвал к телефону Сталин и приказал немедленно лететь в Москву – слишком плохи дела на Западном фронте, где части вермахта стремительно движутся к Минску. При этом невозможно понять, где командующий фронтом Павлов, нет связи с маршалом Куликом, а маршал Шапошников совсем нехоти заболел...

Прилетев в тот же день в Москву, Жуков, никуда не заезжая, с аэродрома помчался в Кремль. В кабинете Сталина он застал Тимошенко и Ватутину. Все трое выглядели до крайности измученными нервным напряжением и бессонницей.

Сталин швырнул на стол карту Западного фронта и спросил:

– Что тут можно сделать?

Жуков попросил сорок минут на обдумывание сложившейся ситуации.

Вместе с Ватутиным и Тимошенко Жуков попытался найти решение, хотя дела на Западном фронте и впрямь складывались катастрофически: «Западнее Минска были окружены и дрались в неравном бою остатки 3-й и 10-й армий, сковывая значительные силы противника. Остатки 4-й армии частично отошли в Припятские леса. С линии Докшицы – Смоленичи – Слуцк – Пинск отходили на реку Березину разрозненные части войск, понесшие в предыдущих боях серьезные потери. Эти ослабленные войска фронта преследовались мощными группировками противника».

Ситуация выглядела отчаянной. Единственное, что смогли сразу предложить Жуков, Тимошенко и Ватутин, это как можно скорее занять оборону на рубеже, проходящем по Западной Двине и линии Полоцк – Витебск – Орша – Могилёв – Мозырь. Было также предложено немедленно начать организацию резервного оборонительного рубежа от озера Селижарово к Смоленску, а далее – к Рославлю и Гомелю.

Сталин все предложения одобрил.

Но за экстренными решениями Жуков уже видел главную задачу – оборону Москвы. Именно на пути к ней следовало создавать глубоко эшелонированную оборону, всячески изматывать немецкую армию, чтобы, собрав силы, остановить наступление вермахта на какой-то из линий обороны. 27 июня командующему группой армий резерва Главного командования маршалу Буденному было приказано срочно занять оборонительный рубеж, проходивший по Западной Двине и Днепру, чтобы предотвратить прорыв германской армии к Москве. Новым местом дислокации штаба Буденного был выбран Смоленск.

А тем временем обстановка на Западном фронте продолжала ухудшаться.

Вечером 28 июня части Красной армии оставили Минск.

30 июня Жукову в Генштаб позвонил И.В. Сталин и приказал вызвать в Москву командующего Западным фронтом генерала армии Павлова. Его принял Жуков, по его собственным словам, едва узнавший пытавшегося оправдаться генерала, – так тот изменился за первые восемь дней войны. Но в течение этого, казалось бы, небольшого срока Западный фронт понес тяжелые потери – свыше трети миллиона погибших солдат и офицеров, было разгромлено 24 советские дивизии из 44.

Сталин, вызвавший Павлова, отказался его принять и отдал приказ возвращаться «туда, откуда приехал». Скоро Павлов, отправившийся обратно в Белоруссию, был арестован и 22 июля приговорен Военной коллегией Верховного Суда Союза СССР к расстрелу.

1 июля 1941 года Георгий Жуков от имени Ставки Главного командования издал директиву, предписывающую командующим фронтами организовывать ночные рейды против немецких моторизованных частей. Надлежало скрытно выводить на позицию маневренные группы, атаковать под прикрытием темноты и уходить на базу до рассвета. «Боевыми действиями против танковых и моторизованных частей противника установлена неспособность немцев отражать внезапные ночные атаки на танки, бронемашины и мототранспорт... – говорилось в директиве. – Немцы боятся вступать в рукопашный бой...» По свидетельствам участников

Великой Отечественной войны на тех участках фронта, где удавалось применить эту тактику, она производила очень сильный деморализующий эффект на противника.

Очередным ключевым пунктом, вокруг которого разыгрывались жестокие сражения, стал Смоленск – город на берегу Днепра в верхнем его течении. От Смоленска до Москвы – меньше 400 километров.

То есть, смяв боевые порядки Западного фронта около Минска и выйдя к Смоленску, германская армия уже оказывалась на дальних подступах к самой столице СССР. Натиск немцев одновременно происходил в направлении на Смоленск, Великие Луки и Рославль, там шли яростные бои. 2-я танковая группа вермахта переправилась через Днепр, а 3-я – прорвала оборону Западного фронта в районе Витебска. А потом обе танковых группы устремились на Смоленск, чтобы снова окружить части Западного фронта. По замыслу германского военного руководства, выполнение этой задачи открывало прямой путь к Москве.

По мнению Жукова, прежде всего, следовало сосредоточиться на удержании Смоленских ворот – междуречья Западной Двины и Днепра в районе Витебск – Орша, эта задача была возложена на войска 16, 19 и 20-й армий. 13-я армия была развернута со стороны Могилёва и упорно обороняла занятый рубеж.

Еще южнее находилась 21-я армия, которая 13 июля нанесла удар в направлении на Бобруйск. 13 июля ночью через Днепр переправились разведгруппы стрелкового корпуса под командованием Петровского.

14 июля город Жлобин был взят нашими войсками. Форсировав Днепр, войска 21-й армии освободили не только Жлобин, но и Рогачев, и продолжили продвижение на северо-запад. Немцы бросили им навстречу войска 2-й полевой армии. Но в это самое время кавалерийская группа генерала Городовикова прорвалась по немецким тылам и вышла в район Бобруйска. К вечеру того же дня корпус Петровского вышел с югу и юго-запада к Бобруйску, вынудив немецкие подразделения занять оборону и вступить в бой. Немцам пришлось срочно привлекать силы из резерва. Таким образом, на рославльском направлении продвижение германской армии было если не остановлено, то в значительной степени затруднено.

Однако наступление вермахта в центре Западного фронта продолжалось. «Падение Смоленска было тяжело воспринято Государственным Комитетом Обороны и особенно И.В. Сталиным, – вспоминал Жуков. – Он был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытывали тогда всю тяжесть сталинского гнева». Сталин категорически потребовал – любой ценой вернуть город. Шансов на выполнение такого распоряжения практически не было... Под Смоленском была окружена значительная группировка советских войск, которой приходилось сражаться с превосходящими силами противника.

14 июля Жуков подписал приказ о создании Фронта резервных армий, войска которого развертывались на рубеже Старая Русса – Осташков – Белый – Ельня – Брянск.

Главной задачей войск в Смоленском сражении было сохранение коммуникаций между почти уже попавшими в окружение под Смоленском 16-й и 20-й армий с основными силами Западного фронта. Единственный способ добиться результата Жуков видел в постоянном нанесении контрударов по разрозненным, далеко оторвавшимся от пехоты и тыловых частей немецким моторизованным корпусам. И цель была достигнута, о чем свидетельствует дневниковая запись, сделанная фон Боком 20 июля: «Сегодня разразился настоящий ад!»

27 июля кольцо окружения вокруг наших войск под Смоленском всё же сомкнулось – на помощь Гудериану подошла танковая группа Гота. Однако 1 августа одновременно был нанесен удар и со стороны двух окруженных армий, и с внешней стороны «котла», где немцев атаковали войска под командованием Рокоссовского. Окружение было прорвано, что позволило значительной части попавших в него подразделений Красной армии отойти за Днепр на рубеж Холм-Жирковский – Ярцево – Ельня.

Стремительно ухудшалась обстановка и на Юго-Западном фронте, где неудержимо катились вперед танковые колонны под командованием генерала фон Клейста. Механизированные корпуса Красной армии пытались остановить продвижение этой армады атаками с флангов. Но на пути бронированного клина находилась только не слишком многочисленная группа войск, которой командовал генерал Лукин. А дальше дорога на Киев была открыта...

30 июня Жуков послал в штаб Юго-Западного фронта распоряжение – отойти на рубеж Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского укрепленных районов, то есть на линию старой государственной границы. При этом Жуков требовал отступать «изобретательно», чтобы не позволить противнику окружить значительные силы фронта. Отход войск следовало прикрывать авиацией и противотанковой артиллерией.

Жуков решил изложить Сталину свои соображения:

«...Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направление на Унечу – Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева.

– Что вы предлагаете? – насторожился И.В. Сталин.

– Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией... Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

– А как же Киев?..

– ...Киев придется оставить».

Вскоре Жуков узнал, что он освобожден от обязанностей начальника Генерального штаба – его сменил Шапошников. «Вы вот тут докладывали об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за это дело».

Этот момент вызывает немало споров среди военных историков.

Так, например, Исаев пишет: «Канонический вариант легенды звучит следующим образом: «Жуков предвидел окружение Юго-Западного фронта и предупреждал Сталина, но диктатор не желал слушать о сдаче Киева». Отвод за Днепр никак не мог предотвратить катастрофу Юго-Западного фронта: клещи двух танковых групп замкнулись намного восточнее среднего течения Днепра. Для ухода от поворота Гудериана на юг требовалось отходить за Псел...»

Впрочем, существует и мнение, что никакой подобной сцены вообще не было. Основным аргументом в пользу этого является тот факт, что Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» называет дату разговора – 29 июля. А в журнале, где фиксировались фамилии всех, кто был на приеме у Сталина, визит Жукова 29 июля 1941 года не значится...

Однако в тех же мемуарах далее говорится, что приказ Ставки о новом назначении Жукова был издан «на следующий день». Но этот приказ датирован 10 августа. А вот 9 августа Жуков, согласно тому самому журналу посещений, на приеме у Сталина как раз был.

Что стало причиной появления в «Воспоминаниях и размышлениях» ошибочной даты – оговорка самого маршала или ошибка литзаписчика вкупе с дальнейшей невнимательностью редактора, теперь уже не установить...

Кстати, если бурный разговор с Жуковым был 9 августа, то следует учесть, что накануне Сталин имел весьма напряженную беседу с генералом Кирпоносом, и речь шла как раз об отчаянной борьбе за удержание Киева.

Но спасти Киев не удалось, как и уберечь от катастрофы Юго-Западный фронт. 12 сентября на кременчугский плацдарм переправилась 1-я танковая группа Эвальда фон Клейста. Ее стремительное продвижение и обеспечило смыкание кольца вокруг советских войск. 15 сентября около села Лохвица соединились 1-я танковая группа Клейста и 24-й моторизованного

корпуса 2-й танковой группы Гудериана. Тем самым был замкнут «Киевский котел». В окружение тогда попало все управление Юго-Западного фронта. 20 сентября в бою возле хутора Дрюковщина в бою погиб командующий фронтом Кирпонос...

Вырваться из «котла» удалось немногим подразделениям. Так, Баграмян вывел из окружения большой сводный отряд. Пробился сквозь линию фронта и отряд, возглавляемый командующим 37-й армией – генералом Власовым.

От Ельни до Ленинграда

На фоне несовпадения дат в мемуарах Жукова и в журнале приемов у Сталина почему-то мало кто замечает несовпадение дат в самых что ни на есть официальных бумагах. Хорошо известный текст директивы «Об устранении недостатков в организации и ведении боевых действий», подписанный Жуковым уже в качестве командующего Резервным фронтом, обычно датируется 5 августа, хотя на приказе о его назначении на эту должность стоит дата пятью днями позже.

30 августа началась Ельнинская операция – первая успешная наступательная операция Красной армии во время Великой Отечественной войны. Целью была ликвидация так называемого «ельнинского выступа», образованного фронтом наступавших, но остановленных немецких войск. Наступление на Ельню вел Резервный фронт, которым командовал Жуков, в составе двух армий – 24-й и 43-й. Перед началом операции была проведена мощная артподготовка. Наступление советских войск развивалось не так быстро и успешно, как надеялась Ставка, однако в итоге ельнинский выступ был ликвидирован, а город Ельня освобожден.

Сам Жуков особое внимание обращал на результат работы реактивных минометов: «Реактивные снаряды своими действиями производили сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым велся обстрел, и увидел полное уничтожение оборонительных сооружений. Ушаково – главный узел обороны противника – в результате залпов реактивных снарядов было совершенно разрушено, а убежища завалены и разбиты».

Известный американский журналист Г. Солсбери утверждал: «Ничего не было страшнее во Вторую мировую войну, чем «катюши». Неистовый визг мин, устрашающий дымный след, грохот взрывов, все вокруг взрывалось в огне и громе...»

Тогда же Жуков составил заметки по итогам Ельнинской операции, в который залогом успеха назвал тщательное изучение местности, где происходят боевые действия, быстрое выявление слабых сторон противника в данной конкретной ситуации, а также умение находить нестандартные решения и свободно действовать в ночное время.

Но применять полученный опыт генералу армии Жукову пришлось уже в Ленинграде.

8 сентября 1941 года немецкие войска при поддержке финских и испанских частей замкнули кольцо окружения вокруг Ленинграда. Положение в городе стало критическим. Возглавлявшие оборону Жданов и Ворошилов слали в Москву панические телеграммы о том, что удержать Северную столицу невозможно.

Сталин вызвал Жукова с фронта и сообщил: «Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом».

Вырвав листок из блокнота, Сталин размашисто написал на нем единственную фразу: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву» – и протянул записку самому Жукову, сказав, чтобы тот по прибытии в Ленинград лично отдал ее Ворошилову.

10 сентября Жуков с генералами Федюнинским и Хозиным вылетел в уже окруженный кольцом блокады Ленинград. Долетели благополучно, и едва приземлившись, Жуков отправился в Смольный, где застал Ворошилова и весь Военный совет Ленинградского фронта за

разговором о том, что город придется сдать, а все важные объекты и корабли Балтийского флота взорвать.

Прервав обсуждение, Жуков протянул Ворошилову собственноручную записку Сталина, предписывавшую тому сдать командование новоприбывшему. После этого Жуков громко сказал, что отныне обороной города будет руководить он.

На Ленинград наступала группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба. Самая мощная группировка танковых и моторизованных соединений противника была размещена по направлению к Урицку, Пулковским высотам и Слуцку. Жуков видел в этом верную примету грядущего штурма города.

12 сентября Ворошилов отправился в 54-ю армию маршала Г.И. Кулика. Генерал Федюнинский был послан Жуковым на передний край, туда, где на Пулковских высотах и под Урицком оборонялись войска 42-й армии. А командующий Балтийским флотом вице-адмирал Трибуц получил указание подвести боевые суда как можно ближе к южному берегу Финского залива, чтобы можно было использовать против немцев корабельную артиллерию.

В штабе фон Лееба в это время уже сидел специально присланный из Ставки Гитлера фельдъегерь – ждал сообщения о взятии Ленинграда, чтобы немедленно доставить эту радостную новость фюреру.

15 сентября части вермахта снова начали наступление на поселок Володарского и Урицк. Подразделения Красной армии были вынуждены отступить на южные окраины этих населенных пунктов. В этой отчаянной обстановке Жуков увидел неожиданный проблеск надежды: «...с выходом противника к поселку Володарского и Урицку левый фланг его ударной группировки оказался еще более растянутым. Мы решили использовать это выгодное для нас обстоятельство и нанести контрудар по врагу силами 8-й армии».

О своем намерении Жуков доложил в Москву и просил воздействовать на маршала Кулика, чтобы 54-я армия нанесла свой удар синхронно с защитниками Ленинграда. 16 сентября Сталин прислал Кулику телеграмму, в которой требовал «...не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым».

19 сентября советские войска нанесли удар по флангу немецкой группировки, которая в это самое время вела активное наступление на Ленинград в районе Пулковских высот. На город здесь наступали шесть германских дивизий при мощной поддержке артиллерии и авиации. Жуков, у которого в окруженном городе не было никаких резервов, решил ослабить этот натиск, перегруппировав свои немногочисленные силы и бросив их в прорыв там, где немцы удара не ждали. 8-я армия атаковала численно превосходившего противника с такой яростью, что немецкий командующий фон Лееб был вынужден отвести от Пулковских высот мехкорпус, чтобы защитить собственные тылы.

«Лееб понимал – пока подойдут резервы, части Жукова вырвутся на тылы и перемелют все так, что вообще придется отходить от Ленинграда, – пишет Владимир Карпов в книге «Маршал Жуков». – И Лееб дает приказ снять механизированный корпус, уже нацеленный для удара там, где виделся наибольший успех, и бросает этот корпус для спасения фланга. Но именно в этом и состояла цель Жукова. Напор на Пулковском рубеже ослаб...»

54-я армия все еще медлила с ударом, способным прорвать блокадное кольцо. 20 сентября Сталин прислал Кулику новую телеграмму: «Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время...». 29 сентября Кулик был снят с командования, а 54-я армия передана в подчинение Ленинградскому фронту. Жуков поставил во главе ее прилетевшего с ним генерала Хозина, которому одновременно пришлось остаться и начальником штаба фронта: не хватало не только солдат, но и командиров.

Однако силы были на исходе не только у Красной армии, но и у группы армий «Центр». Наступление вермахта остановилось. Немцы принялись копать землянки, обустраиваться на зиму. Разгневанный таким провалом Гитлер вскоре отправил фон Лееба в отставку.

По словам Жукова, «линия обороны на подступах к Ленинграду с юга стабилизировалась и осталась без существенных изменений до января 1943 года».

Но снова осложнилась ситуация на московском направлении.

На подступах к Москве

30 сентября танки Гудериана и войска 2-й армии обрушились на силы Брянского фронта. Выждав два дня, пока развернутся бои на Брянском фронте, немцы нанесли удар и по другим фронтам – Западному и Резервному. Особо тяжело Красной армии пришлось в районе Вязьмы – здесь оборона была прорвана сразу в двух местах, севернее и южнее города, в окружение на западе от Вязьмы попали 19, 20-я, 24-я, 32-я армии, значительная часть 16-й армии.

5 октября телеграфный аппарат «Бодо» донес до Жукова срочный вызов Сталина: «... можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву?» Причина была серьезней некуда. Из Подольска от коменданта Малоярославецкого укрепрайона комбрига Елисеева поступило экстренное донесение: город Юхнов, в 85 километрах на северо-запад от Калуги, захвачен немцами, танки идут к Малоярославцу, откуда им будет открыта дорога на Подольск...

Расстояние от Малоярославца до Москвы – чуть больше ста километров, причем не по бездорожью, а по отличному шоссе. От Подольска до нынешней МКАД – порядка 30 километров. То есть выход немецких танкистов к Малоярославцу означал, что до центра Москвы им остается два-три часа пути. Войск, способных отразить удар, на этом участке не было. «Противника больше нет», – писал в дневнике начальник германского штаба сухопутных войск Гальдер.

С занятий спешно сняли курсантов двух военных училищ, находившихся в Подольске, – пехотного (две тысячи человек) и артиллерийского (полторы тысячи) и, собрав, какое нашлось, вооружение, отправили оборонять Малоярославец. Отчаянным сопротивлением «красные юнкера» задержали противника, позволив командованию выиграть немного времени.

При таких обстоятельствах Сталин вызвал в Москву Жукова. На аэродроме его встретил начальник охраны Сталина генерал Власик и привез прямо домой к Верховному. Жуков вспоминал, что когда он приехал, Сталин разговаривал с Берией и бросил фразу – на крайний случай нужно разведать возможность заключения мира.

Жуков предположил, что немецкие войска, отведенные из-под Ленинграда, в будущем будут пополнены и переброшены на московское направление.

– Кажется, они уже... – мрачно обронил Сталин.

Жуков заехал в Генштаб, где переговорил с Шапошниковым, и поехал в сторону Можайска, за которым должен был быть штаб Западного фронта. К трем часам ночи он добрался до штаба, там совещались командующий Западным фронтом Конев, начальник штаба фронта генерал Соколовский, член Военного совета Булганин и начальник оперативного отдела генерал-лейтенант Маландин. Впоследствии Жуков напишет, что они выглядели не просто усталыми, а потрясенными. Вид у них был не только усталый, но, как сказано в рукописи Жукова, какой-то «потрясенный».

И неудивительно – к вечеру 7 октября все пути на Москву, по существу, были открыты. Жуков доложил Сталину: «Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска, откуда только можно на Можайскую линию обороны». А сам поехал разыскивать Буденного и штаб Резервного фронта «где-то в районе Малоярославца». Ранним утром в лесу у реки Протвы нашелся штаб, но там никто не знал, где командующий. Начальник штаба фронта генерал-майор А.Ф. Анисов поведал: «Днем он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семеном Михайловичем...»

С Буденным ничего не случилось, если не считать того, что он уже вторые сутки не мог связаться ни с Коневым, ни с собственным штабом. Жуков отыскал его в Малоярославце – в райисполкоме и услышал, что фронта практически больше нет.

– Штаб фронта снялся в мое отсутствие, и сейчас не знаю, где он остановился, – пожаловался Буденный.

– Я его нашел в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протву. Тебя там ждут. На Западном фронте, к сожалению, дела очень плохие, большая часть сил попала в окружение.

– У нас не лучше, 24-я и 32-я армии отрезаны. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, для обхода города с востока.

– Ну, а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

– Когда я ехал сюда, кроме трех милиционеров в Медыни, никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

Жуков велел Буденному ехать в штаб, а сам отправился в сторону Юхнова, чтобы на месте разобраться в ситуации. То и дело приходилось тормозить и осматриваться, чтобы не угодить напрямик в расположение немецких войск. Наконец, Жуков обнаружил советскую танковую бригаду, которой командовал И.И. Троицкий, знакомый ему еще по Халхин-Голу. Танкисты сообщили, что Юхнов захвачен противником, под Калугой идут бои, а они стоят тут второй день, не получая никаких распоряжений. Жуков велел Троицкому послать вестового в штаб Резервного фронта и развернуть бригаду, чтобы прикрыть дорогу на Медынь.

А сам отправился в сторону Калуги. В пути его разыскал офицер связи, передавший приказ Сталина – 10 октября явиться в штаб Западного фронта. Вернувшись 8 октября в штаб Резервного фронта, Георгий Константинович узнал, что Буденный от командования отстранен, и на его место назначен он, Жуков. Западный и Резервный фронты отныне объединены в один Западный под его руководством.

При этом без очередного сеанса поиска виновных дело не обошлось. В штаб прибыла комиссия ГКО (Молотов, Василевский, Маленков), собиравшаяся обвинить Конева, бывшего командующего Западным фронтом, и забрать в Москву на расправу. Но Жуков не отдал Конева, заявив Сталину, что Коневу надо поручить руководство на удаленном калининском направлении. На прямой вопрос Сталина: «Почему вы защищаете Конева?» – Георгий Константинович прямолинейно ответил: «Мы с ним никогда не были друзьями. Знаю его по службе в Белорусском округе и считаю, что он справится с этими обязанностями. Кроме того, у меня сейчас других кандидатур нет». В результате Конев не стал очередной жертвой поражений Красной армии, а был утвержден заместителем Жукова на Западном фронте.

«Противник сумел пробить 500-километровую брешь в обороне советских войск, – описывает тогдашнюю ситуацию Владимир Дайнес в книге «Жуков». – Ситуация складывалась драматическая. 2-я танковая группа нацелилась на Тулу, чтобы овладеть дорогами для дальнейшего наступления на Коломну, Каширу и Серпухов. 3-я и 9-я армии намеревались уничтожить советские войска, окруженные в районе Дорогобуж, Вязьма. 4-я армия должна была наступать с рубежа Калуга – Медынь в северо-восточном направлении, захватить переправы через реку Протва у Малоярославца и Боровска. На 3-ю танковую группу возлагался захват линии Гжатск – южнее Сычевска. 2-й армии было приказано во взаимодействии со 2-й танковой группой подавить сопротивление в районе Трубчевск, Жиздра и овладеть дорогой Рославль – Брянск».

13 октября на всех участках Западного фронта возобновились ожесточенные бои. Сплошной линии фронта не было, а обстановка менялась каждый час. Жукову было ясно, что слова о том, что от каждого подразделения сейчас зависит судьба Москвы, – не пустая рито-

рика. Но он мог выставить против военной машины вермахта большей частью спешно собранные и подготовленные в ускоренном режиме части.

Немецкое командование было уверено, что войска не встретят серьезного противодействия, и их надо скорее сдерживать, чем подгонять: «Согласно категорическому приказу фюрера и главнокомандующего вооруженными силами войска не должны вступать в центр города Москвы. Границей для наступления и разведки является окружная железная дорога...»

18 октября 1941 года командующий Западным фронтом Жуков представил в Ставку Верховного Главнокомандования план отвода войск с Можайского оборонительного рубежа – на тот случай, если указанный рубеж удержать не удастся, как оно и произошло впоследствии. Крайний рубеж, где надлежало организовать мощную оборону и все необходимое для размещения основной массы артиллерии, был обозначен «по линии Новозавидовский – Клин – Истринское водохранилище – Истра – Жаворонки – Красная Пахра – Серпухов – Алексин». Штаб Западного фронта, в котором в самые критические для обороны Москвы дни находился сам Жуков, был расположен, по разным сведениям, в селе Перхушково или возле одноименной железнодорожной станции в деревне Власиха. В любом случае это место лишь на несколько километров отстояло от находившегося в центре линии поселка Жаворонки.

Жуков, как и в Ленинграде, взялся устанавливать в войсках жесточайшую дисциплину. 21 октября он адресует Военному совету 43-й армии распоряжение: «...В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 стрелковых дивизий приказываю:

В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22.10 отряд заграждения, отобрав в него надежных бойцов за счет воздушно-десантного корпуса.

Заставить 17 и 53 сд упорно драться, и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех, бросающих поле боя».

А уже ранним утром следующего дня командующему 43-й армией генерал-майору Голубеву предписывается тотчас арестовать командира 17-й стрелковой дивизии, самовольно оставившей рубеж обороны, саму же дивизию «заставить вернуть утром Тарутино, во что бы то ни стало, включительно до самопожертвования».

Но немцы продолжали двигаться к Москве, хотя и не так быстро и легко, как надеялся фюрер. Тем не менее конец октября был печален для Красной армии – пришлось оставить Наро-Фоминск, Волоколамск, Рузу. Рузу, один из стариннейших форпостов Москвы, сдали, можно сказать, без боя. Для виновников это имело самые печальные последствия – командир дивизии подполковник Герасимов и комиссар дивизии бригадный комиссар Шабалов были расстреляны перед строем.

Но тем не менее, группа армий «Центр» не сумела, как планировалось, занять Москву в середине октября. И если раньше немецкие генералы именовали противостоящие им войска армией или группой армий Тимошенко, то теперь на первом плане и для них оказался Жуков.

«Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось... – вспоминал генерал Блюментрит. – Командование русскими войсками, прикрывавшими Москву, теперь принял маршал Жуков. За несколько недель его войска создали глубоко эшелонированную оборону, которая проходила через лес, примыкавший к реке Нара, от Серпухова на юге до Наро-Фоминска и далее на север. Тщательно замаскированные опорные пункты, проволочные заграждения и большие минные поля теперь заполняли огромный лесной массив, прикрывавший западные подступы к столице».

Советская разведка донесла, что немцы подводят к линии фронта резервы, явно готовясь к решающему удару. Очевидно было даже, где это может произойти, – прежде всего со стороны Волоколамска, а также в районе Тулы. Город русских оружейников немцы захватить не смогли, но вполне имели возможность обойти его стороной и ударить сразу на Каширу.

Жуков доложил об этом Сталину. Верховный потребовал сорвать готовящееся наступление противника путем нанесения упреждающих контрударов на самых угрожаемых направле-

ниях. Он настаивал, что следует атаковать немцев около Волоколамска, одновременно ударив во фланг 4-й армии вермахта со стороны Серпухова.

Главком Западного фронта напрягся, услышав такое. Контрудары им запланированы не были, и он знал, что свободных сил для их осуществления нет. Бросать неподготовленные части без поддержки артиллерии и самолетов против сильного противника – означает наверняка потерпеть поражение.

– Какими же силами мы будем наносить эти контрудары? – спросил Жуков. – Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

– В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии, – распорядился Сталин.

– Считаю, что этого делать сейчас нельзя, – возразил Жуков. – Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдет в наступление своими ударными группировками.

– Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?

– Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась; с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта.

– Вопрос о контрударах считайте решенным, – отмахнулся Сталин и велел снова обращаться к нему только с готовым планом их проведения. После чего бросил трубку.

Контрудары были организованы, «главным образом действовала конница», и никакого особого эффекта они не принесли. Разве что под Алексинем получилось изрядно потрепать 4-ю армию, так что она не смогла потом присоединиться к наступлению на Москву.

15 ноября началось новое наступление группы армий «Центр» на Москву. Основной натиск пришелся на северо-западные рубежи столицы со стороны Калинина, Волоколамска и Рузы. Установившиеся морозы пока еще были скорее на руку немцам, чем во вред, – танки перестали застревать в грязи и не нуждались в дорогах с твердым покрытием.

Войска правого крыла Западного фронта отчаянно оборонялись. Немцы продолжали нажимать. У советского командования начали сдавать нервы. Жуков признавался, что из-за постоянных бессонных ночей иногда даже терялся счет времени. Оно разграничивалось только боевыми донесениями и звонками Верховного. Однажды глубокой ночью Сталин позвонил и спросил: «Вы уверены, что мы удержим Москву?» Жуков ответил утвердительно, но надо еще две армии и две сотни танков. Танки в тот момент взять было негде, но две резервных армии Сталин обещал помочь найти.

28 ноября немецкие войска прорвались к каналу Москва – Волга и форсировали его южнее Яхромы. 30 ноября – заняли поселок Красная Поляна возле станции Лобня Савеловской железной дороги, – менее чем в 30 километрах от Москвы. Но между этими событиями, 29 ноября, командующий группой армий «Центр» фон Бок уже поставил вопрос перед командованием сухопутных войск вермахта о приостановке немецкого наступления под Москвой и переходе к обороне. Жуков не знал о том, что фон Бок предложил прекратить наступление. Но он, видимо, почувствовал, что противник выдыхается. И сам предложил Сталину перейти в контрнаступление. За один день был разработан план, и Сталину была отправлена карта с коротким пояснением.

Предполагалось ударить в направлении на Клин, Солнечногорск и Истру, а на левом крыле фронта нанести удары по группе Гудериана с фланга и тыла. Далеко продвигаться не планировалось – лишь на 60—100 километров; на большее, по мнению Жукова, в данный момент не хватало сил. Сталин план утвердил в первоначальном виде без поправок и подписал прилагаемую карту: «Согласен. И. Сталин».

Перегруппировку перед началом контрнаступления требовалось вести максимально скрытно, одновременно отражая еще продолжавшийся натиск вермахта. Немецкие войска то и дело прорывались на разных участках фронта. Жуков мрачно шутил: «Штопаем тришкин кафтан...»

И вот части германской армии ринулись в наступление в районе Наро-Фоминска – и на восток к Апрелевке, и на север в сторону Кубинки. Жуков помчался на передовую. На опасный участок были переброшены силы из резерва, и натиск удалось отразить. Под Кубинкой немцев остановили, а со стороны Апрелевки вдобавок нанесли контрудар.

5 декабря штаб группы армий «Центр» направил боевое распоряжение командующим 4-й армией, 4-й и 3-й танковым группам: «Начало отхода, для которого, по расчетам группы армий, потребуется две ночи, возможно, будет намечено на вечер 6 декабря, о чем будет сообщено в особом приказе...» На следующий день обещанный приказ действительно был дан. Немецкое наступление на Москву захлебнулось и остановилось.

Советские войска начали свое наступление 6 декабря в три часа утра. 11 декабря была освобождена Истра, на следующий день – Солнечногорск. Группа Гудериана начала отступать от Тулы.

Вязьма – надежда и трагедия

5 января 1942 года в Ставке прошло совещание, посвященное плану большого наступления по всему советско-германскому фронту от Черноморского побережья до Ладоги. Жуков выразил сомнения в том, что это возможно, – на северо-западе и юго-западе немцы успели обустроить мощные оборонительные рубежи. Он считал, что следовало бы сосредоточить все силы для наступления на западе, где немцы не имели глубоко эшелонированной обороны и не успели восстановить силы после декабрьского контрнаступления Красной армии.

«Мы не имели, – писал он позже, – в распоряжении фронтов полноценных танковых и механизированных соединений, а без них, как показала практика войны, проводить наступательные операции с решительными целями и с большим размахом нельзя. Опережать маневр противника, быстро обходить его фланги, перерезать тыловые пути, окружать и рассекать вражеские группировки можно только с помощью мощных танковых и механизированных соединений».

Но план наступления был принят в первоначальном виде. Сталин высказался в том духе, что немцам нельзя давать передышки, – нужно безостановочно гнать их на запад, вынуждая израсходовать все резервы. Расчет был на то, что эвакуированные на восток советские военные предприятия будут выдавать все больше и больше вооружения, а немцам неоткуда будет компенсировать потери.

Решение о наступлении было утверждено.

8 января, исполняя указанную директиву, начали наступление части Северо-Западного и Калининского фронтов. Но основные и самые тяжелые бои развернулись в зоне действия Западного фронта.

19 января 33-я армия взяла Верею. И в тот же день Ставка приказала срочно перебросить 1-ю ударную армию для усиления Северо-Западного фронта. Жуков воспротивился, говоря, что это помешает завершить наступление.

– Выводите без всяких разговоров! – рявкнул Сталин. – У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий...

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, – упорствовал Жуков, – фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключая возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага...

Сталин швырнул телефонную трубку на рычаг и продолжать разговор не стал.

В те дни Жуков обратил внимание, что на стыке флангов наступающих 33-й и 43-й армий образовался проем, в котором сопротивление немцев было предельно ослаблено. Именно туда Жуков решил бросить войска 33-й армии, дабы они могли ударить на Вязьму. Южнее Вязьмы высадился воздушный десант, соединившийся с корпусом Белова.

20 января. Жуков – Белову

«Строжайше запрещаю переходить где-либо к обороне. Если есть цель, гоните все в эту цель и развертывайте эту цель ударом к флангам... Противник бежит по всему фронту. Давайте скорее к Вязьме».

Генералу Ефремову было адресовано не менее энергичное распоряжение: «...стремительно выходить в назначенный район; с выходом в назначенный район связаться с десантом в районе Знаменка, Желание и быть готовым, не останавливаясь, к выходу в район западнее Вязьмы. Для обеспечения действий сейчас подтягивайте армейские тылы, запасы, все материальное обеспечение и управление. Штабу армии от главной группировки не отрываться... Нажимайте. Можете отличиться на этом как никогда».

Но немецкое командование смогло перебросить под Вязьму значительные резервы. Войска Белова и Ефремова попали в окружение.

Вечером 13 апреля связь со штабом 33-й армии была полностью потеряна. 16 апреля начальник германского штаба сухопутных войск Гальдер внес в свой дневник запись: «Русская 33-я армия ликвидирована...»

Однако окруженцы еще продолжали сражаться. 19 апреля генерал Ефремов был тяжело ранен в бою и, категорически отвергнув возможность сдаться в плен, позвал к себе жену Валентину, служившую в 33-й армии мединструктором, застрелил ее и тут же застрелился сам.

Тогда же погибли командующий артиллерией армии генерал-майор Афанасьев и практически все офицеры штаба 33-й армии. Выйти к своим смогли лишь 889 военнослужащих. А погибло за время боев в тылу германской армии свыше 8 тысяч солдат и офицеров 33-й армии. Вермахт в этих же боях потерял почти 9 тысяч человек.

Немцы организовали в селе Слободка похороны генерала Ефремова с воинскими почестями. Очевидцы вспоминали, что немецкий генерал произнес перед своими солдатами речь, в которой ставил Ефремова им в пример.

Артур Шмидт, начальник штаба 5-го армейского корпуса, вспоминал: «Я приказал похоронить его на площади. Я сказал, что доблестная армия фюрера с уважением относится к такому мужеству. По моему приказу, на могилу установили табличку с русским и немецким текстом».

Среди тех, кто присутствовал при погребении Ефремова, называют полковника, впоследствии генерал-лейтенанта Густава Шмидта, командира 19-й танковой дивизии. Есть мнение, что там был также командующий 9-й армией генерал-полковник Вальтер Модель.

А выход группы Белова был обставлен по всем правилам военного искусства, включая дезинформацию. Белов подготовил фальшивый приказ о прорыве (не отсюда ли возникли потом слова о странных направлениях движения?), который был якобы случайно потерян: «Из леса выскочили два всадника, «не знавшие», что находятся на «ничьей» земле. Наше прикрытие сразу открыло сильный огонь по немцам. Гитлеровцы ответили тем же. Головной всадник прищипорил коня, галопом помчался к лесу и скрылся среди деревьев. Второй кавалерист бросился за ним, но лошадь его, убитая пулей нашего снайпера, рухнула на землю. Кавалерист притворился тяжелораненым. К нему подбежали красноармейцы и под огнем врага «спасли» своего товарища – утащили в укрытие... На лошади, убитой на «ничьей» земле, было хорошее седло, а в переметной сумке лежал планшет с ложным приказом».

Белов ушел в рейд с семью тысячами бойцов, а вывел обратно десять с лишним тысяч, собрав немало окруженцев, оставшихся за линией фронта при летнем отступлении Красной армии. Еще три тысячи, преимущественно раненых, которых до того спасали и укрывали местные жители и партизаны, было вывезено авиацией. Под руководством Белова были созданы две партизанских дивизии, оставшиеся в тылу у немцев, а это еще семь тысяч бойцов...

В 1962 году Рокоссовский, выступая перед слушателями Военной академии им. Фрунзе, одновременно упрекал Жукова в том, что он требовал наступать, не считаясь с потерями, и не смог убедить Сталина отменить приказ о наступлении: «20 декабря после освобождения Волоколамска стало ясно, что противник оправился, организовал оборону и что наличными силами продолжать наступление нельзя. Надо было серьезно готовиться к летней кампании. Но, к великому сожалению, Ставкой было приказано продолжать наступление и изматывать противника. Это была грубейшая ошибка. Мы изматывали себя. Неоднократные доклады о потерях Жуков не принимал во внимание. При наличных силах добиться решительных результатов было нельзя. Мы просто выталкивали противника. Не хватало орудий, танков, особенно боеприпасов. Пехота наступала по снегу под сильным огнем при слабой артиллерийской поддержке. Наступало пять фронтов, и, естественно, сил не хватало. Противник перешел к стратегической обороне, и нам надо было сделать то же самое. А мы наступали. В этом была грубейшая ошибка Сталина. Жуков и Конев не смогли его переубедить».

1-ю ударную армию у Жукова забрали в надежде, что она окажется той решающей силой, которая поможет ликвидировать «Демянский котел». В зоне действия сил Северо-Западного фронта возле поселка Демянск, расположенного между озерами Ильмень и Селигер, советскими войсками были окружены основные силы 2-го армейского корпуса 16-й немецкой армии группы армий «Север». Это произошло потому, что корпус не был заблаговременно отведен в безопасное место на другой берег реки Ловать. Конфликт вокруг необходимости отвода войск стал последней каплей во взаимном недовольстве Гитлера и фон Лееба. На посту командующего группой армий «Север» фон Лееба сменил Георг фон Кюхлер. Но и ему не удалось убедить фюрера отвести войска, когда угроза окружения стала очевидной.

В результате 8 февраля части 1-го гвардейского корпуса и 34-й армии отрезали шесть немецких дивизий, в том числе знаменитую моторизованную дивизию СС «Мертвая голова». В окружение попало примерно сто тысяч человек. Командовал окруженцами граф Вальтер фон Брокдорф-Алефельд. Однако немцам удалось наладить достаточно устойчивое снабжение по воздуху – внутри кольца окружения были даже обустроены два стационарных аэродрома.

Советские зенитчики и авиация стремились этому помешать, но не слишком успешно. Количество немецких транспортных самолетов, которые были сбиты, сильно разнится в разных источниках – от двух с половиной сотен до сотни с небольшим.

Именно в воздушном бою неподалеку от Демянска 4 апреля 1942 года был сбит немцами самолет Алексея Маресьева, ставшего прообразом главного героя известной книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке»

21 марта немцы начали наступление на позиции советских войск извне – и одновременно окруженные войска пошли на прорыв из котла. Главная роль в прорыве принадлежала дивизии «Мертвая голова», потерявшей во время этой операции большинство своего состава. На прорыв окружения понадобился месяц. 21 апреля немцы смогли создать так называемый Рамушевский коридор (возле деревни Рамушево), а 5 мая они окончательно разорвали кольцо окружения.

Через год под Демянском советские войска провели еще одну наступательную операцию, но на этот раз немцы избежали окружения, отойдя за реку Ловать.

Руководивший авиационными коммуникациями под Демянском полковник люфтваффе Фриц Морцик впоследствии занимался организацией воздушного моста для окруженных

немецких войск в Сталинграде. Но наученные горьким опытом советские командиры позаботились о мощном противодействии. Войскам Паулюса полковник Морцик помочь не сумел.

Однако до победы под Сталинградом Красной армии оставался еще год тяжелых испытаний.

Между Ржевом и Сталинградом

5 апреля 1942 года вождь Третьего рейха Адольф Гитлер подписал директиву, которая провозглашала одной из главных целей грядущего летнего наступления немецких войск – нефтеносные районы Кавказа.

А 11 апреля фюрер собрал на совещание командование сухопутных войск и распорядился разработать все необходимые для этого наступления документы и материалы. Операция получила кодовое название «Блау». Направление главного удара тщательно маскировалось – для этого была проведена целая кампания по дезинформации, которая называлась «Кремль». В конце мая был даже издан приказ: «Разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город, и тем самым лишить противника возможности оперативного использования этого района».

При этом были приняты меры, чтобы русская разведка не прошла мимо этого «совершенно секретного» документа. На московском направлении демонстративно велась подготовка к наступлению, над московским регионом летали самолеты фоторазведки.

Справедливости ради надо сказать, что, несмотря на всю эту активность, до советского руководства все же доходила информация об истинных намерениях Гитлера. Уже 18 марта 1942 года Главное разведывательное управление Красной армии докладывало: «...центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы... Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий... Наиболее вероятный срок наступления – середина апреля или начало мая». Аналогичные сведения вскоре были добыты по линии НКВД: «Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачной операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили повести наступление на север вдоль Волги...»

В конце марта 1942 года в Ставке состоялось совещание, на котором обсуждалась Харьковская наступательная операция. Жуков (и согласный с ним Шапошников) предлагал ограничиться активной стратегической обороной, чтобы «измотать и обескровить противника в начале лета», и только после этого перейти в наступление, а пока ограничиться наступлением в полосе Западного фронта. Его мнение было отвергнуто. Но начавшееся успешно харьковское наступление захлебнулось – со стороны его южного фланга (со стороны Краматорска) последовал удар танковой группы Клейста. Но переоценившие свои (вернее, недооценившие вражеские) силы командующий направлением Тимошенко и член Юго-Западного фронта Хрущев сделали попытку убедить Верховного Главнокомандующего в том, что опасность со стороны немецкой танковой группы преувеличена и наступление Красной армии продолжается успешно... Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» так описал этот эпизод: «Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступивших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую, потому что лично присутствовал при переговорах Верховного».

Владимир Дайнес в биографии Жукова пишет: «Буквально с каждым днем ухудшалась ситуация на юге. Разгромив советские войска в Крыму и под Харьковом, противник полностью

взял в свои руки стратегическую инициативу и стремительно двигался к Волге и на Кавказ. Воцарилась гнетущая атмосфера. В ближайшем окружении Жукова настроение резко ухудшилось: Георгий Константинович опять ходил чернее тучи, стал нервничать и порой «срывался» на подчиненных».

И неудивительно – фронтовых резервов у Ставки не осталось, тяжелое положение Красной армии вскоре могло превратиться в катастрофическое... Планируя захват нефтеносных районов Кавказа, в конце июня 1942 года немецкие войска, нанеся мощный удар по позициям Брянского и Юго-Западного фронтов, прорвали оборону Красной армии и совершили рывок в направлении Воронежа (частично захваченного 6 июля 1942 года) и к Дону. Советские войска оказались отброшенными за Дон и к середине июля вермахт, развернувший наступление в большой излучине на Сталинград, прорвал стратегический фронт нашей армии на глубину 150–400 км.

Жуков о соотношении сил

«К 22 июля в состав Сталинградского фронта входило 38 дивизий, из них только 50 процентов было укомплектовано до 6—8-тысячного состава, а остальные имели в своем составе от тысячи до трех тысяч человек. Этим малочисленным войскам пришлось развернуться на 530-километровом фронте. Всего в составе фронта в тот период насчитывалось 187 тысяч человек, 360 танков, 337 самолетов, 7900 орудий и минометов. Из них только 16 дивизий (войска 63-й и 62-й армий, две дивизии 64-й армии и по одной дивизии 4-й и 1-й танковых армий) смогли занять оборонительные позиции на главной полосе. Им противостояли войска 6-й немецкой армии, в составе которой к этому времени находилось 18 хорошо укомплектованных и технически оснащенных дивизий. Соотношение сил было в пользу противника: в людях – 1,2: 1, в танках – 2: 1, в самолетах – 3,6: 1. Только в артиллерии и минометах силы были примерно одинаковы».

Через пять дней после создания Сталинградского фронта на дальних подступах к Волге и Сталинграду передовые части 6-й германской армии столкнулись с авангардными подразделениями советских войск. Бытует история об отставшей из-за поломки «катюше»: догоняя своих ради экономии времени напрямик по степи, экипаж увидел вдали колонну немецких танков, обстрелял ее, подбив несколько машин, и умчался. Немцы остановились на сутки, выясняя обстановку, – по их разведанным, в этом районе никаких советских войск быть не могло...

Жуков в это время готовил Ржевско-Сычевскую наступательную операцию, идею которой он выдвинул еще весной, но поначалу не был услышан. Смысл ее был в том, чтобы нанести удар по вяземско-ржевской группировке вермахта силами Западного, Калининского и других прилегающих фронтов. «Главная цель состояла в том, чтобы ударами левого крыла Калининского фронта (29-я, 30-я армии, 3-я воздушная армия) и правого крыла Западного фронта (20-я, 31-я армии, 1-я воздушная армия) в общем направлении на Сычевск разгромить основные силы немецкой 9-й армии и ликвидировать ржевский выступ, с которого у немцев открывался один из кратчайших путей на Москву. Основную роль в операции предстояло сыграть Западному фронту под командованием Жукова», – пишет Дайнес.

30 июля 30-я и 29-я армии Калининского фронта начали наступление, но прорвать немецкую оборону не сумели. Но 4 августа после долгой и мощной артподготовки двинулся вперед Западный фронт – и на этот раз наступление развивалось успешно. Войска Западного фронта форсировали реку Держа, смяли немецкие боевые порядки на укрепленных рубежах, и уже к вечеру 5 августа продвинулись на 25 километров. А ширина бреши в немецких позициях составляла уже порядка 30 километров. Начальник штаба сухопутных войск вермахта Гальдер 4 августа сделал в своем знаменитом дневнике такую запись: «Противнику удалось добиться глубокого прорыва на фронте 9-й армии (кажется, наступают семь дивизий и одна танковая

бригада при усиленной поддержке артиллерии) в направлении Зубцова. Против них брошены соединения 39-го корпуса в составе 5, 2, 1-й танковых и 102-й дивизий. На фронте 9-й армии у Ржева отбито несколько крупных атак».

Желая закрепить и развить успех, Ставка в тот же день, когда прорыв стал очевидным, 5 августа, передала в подчинение Жукову все войска, действовавшие в районе Ржева, и Калининский фронт в том числе. 6 августа он подкрепил наступление в направлении на Сычевск фронтовой подвижной группой в составе 6-го и 8-го танковых и 2-го кавалерийского корпусов. И, как оказалось, вовремя, поскольку немцы бросили на подмогу своей 9-й армии три танковых дивизии (о них писал Гальдер) и две пехотные, после чего был нанесен контрудар в направлении на Погорелое Городище. Но по резервам вермахта ударила советская авиация, а 7 августа около рек Вазуза и Гжать разыгралось масштабное танковое сражение, в котором сошлись примерно полторы тысячи танков и самоходок. В процессе этой операции взять Ржев не получилось, но всё же советские войска отобрали у немцев плацдарм, захваченный теми на левом берегу Волги в районе Ржева, а также приковали к театру военных действий на этом направлении значительные силы группы армий «Центр». Немцы были вынуждены даже перебросить ко Ржеву двенадцать дивизий, уже подготовленных к отправке под Сталинград, что значительно ослабило натиск противника в Поволжье и позволило Ставке ГКО собрать там силы для ответного наступления.

23 августа 1942 года немецкие войска под командованием Паулюса смогли выйти к западной окраине Сталинграда. Но, тем не менее, первоначальный план быстрого выхода к Волге и захвата города уже был сорван яростной обороной советских войск на подступах к Сталинграду и недостатком сил, застрявших возле Ржева.

Когда стало ясно, что дальше продвинуться в рамках данной операции невозможно, Жуков лично отправился к Погорелому Городищу, чтобы оценить обстановку и прикинуть дальнейшие действия.

И тут ему позвонил Сталин, приказавший срочно передать руководство фронтом начальнику штаба, а самому мчаться в Москву.

«Сталин не сказал о назначении меня заместителем Верховного Главнокомандующего, — вспоминал Жуков. — Видимо, об этом он хотел объявить при личной встрече. Вообще Верховный по телефону говорил только то, что было крайне необходимо сказать в данный момент... Поздно вечером этого же дня прибыл в Кремль... Верховный сказал, что у нас плохо идут дела на юге и может случиться, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе. Он объявил, что ГКО решил назначить меня заместителем Верховного Главнокомандующего и послать в район Сталинграда. Сейчас там находятся Василевский, Маленков и Малышев... Было ясно, что предстоящая битва имеет крупнейшее военно-политическое значение. С падением Сталинграда вражеское командование получило бы возможность отрезать юг страны от центра. Мы могли также потерять и Волгу, важнейшую водную артерию страны, по которой большим потоком шли грузы с Поволжья и Кавказа.

Верховное Главнокомандование направляло в район Сталинграда все, что было тогда возможно...»

2 сентября. Жуков – Сталину

«1-я гвардейская армия 2 сентября перейти в наступление не смогла, так как ее части не сумели выйти в исходное положение, подвезти боеприпасы, горючее и организовать бой. Чтобы не допустить неорганизованного ввода войск в бой и не понести от этого напрасных потерь, после личной проверки на месте перенес наступление на 5 часов 3 сентября.

Наступление 24-й и 66-й армий назначаю на 5–6 сентября. Сейчас идет детальная отработка задач всем командным составом, а также принимаем меры материального обеспечения операции».

Но назначенное Жуковым на утро 3 сентября наступление успеха не принесло – несмотря на артиллерийскую подготовку, войскам 1-й гвардейской армии удалось пройти вперед считанные километры. Дальше продвижение застопорилось, поскольку немцы бросили против наступающих авиацию и танки.

3 сентября. Сталин – Жукову

«Положение под Сталинградом ухудшается. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящих к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам.

Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало».

5 сентября силами трех армий, 24, 66 и 1-й гвардейской, наступление началось. Но боеприпасов доставили недостаточно, поэтому предшествующая артподготовка опять не смогла подавить оборону немецких войск. К тому же Сталин был прав – авиации катастрофически не хватало, поэтому немцы беспрепятственно бомбили советские позиции и пытающиеся продвинуться вперед войска.

7 сентября. Жуков – Сталину

«Для разгрома противника под Сталинградом, тех сил, которые имеются здесь, явно не хватит. Необходимо сосредоточить дополнительную группу войск с тем, чтобы в кратчайший срок нанести более сильный удар противнику...»

10 сентября. Жуков – Сталину

«Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника».

В ответ на сообщение от 10 сентября Сталин вызвал Жукова в Москву. Там Георгий Константинович вновь доложил о ситуации и сказал, что нужны значительные подкрепления. Он отметил, что в окрестностях Сталинграда местность плохо годится для наступления – в ровной степи нет укрытий от артиллерийского огня противника, который, напротив, имеет возможность держать оборону, засев в многочисленных узких и глубоких оврагах. А поскольку при этом в распоряжении немцев находятся господствующие над местностью высоты, то при нынешнем раскладе сил прорвать немецкий фронт невозможно.

Сталин выслушал все это и спросил:

– Что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточным фронтом?

– Минимум еще одну полнокровную общевойсковую армию, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии, – ответил Жуков. – Кроме того, на время операции необходимо дополнительно сосредоточить не менее одной воздушной армии.

Задуманная Жуковым операция получила кодовое название «Уран». По ходу ее подготовки был создан новый Юго-Западный фронт под командованием генерала Н.Ф. Ватутина. Сталинградский фронт стал Донским, и командовал им Рокоссовский, а прежний Юго-Восточный фронт – Сталинградским под командованием генерала А.И. Ерёменко.

«Уран» готовился в глубокой тайне. Даже командующие фронтами почти до самого последнего момента не знали подробностей. В большинстве донесений наступление именовалось «переселением», а командующие значились под псевдонимами – Васильев (Сталин), Константинов (Жуков), Михайлов (Василевский) ...

А пока советским войскам приходилось драться за каждый клочок приволжской земли, изматывая и истребляя противника.

Жуков так вспоминал об этом времени: «13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге. Казалось, вот-вот не выдержат люди. Но стоило врагу броситься вперед, как наши славные бойцы 62-й и 64-й армий в упор расстреливали его. Руины города стали крепостью. Однако сил с каждым часом оставалось все меньше.

Перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией А.И. Родимцева. После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия А.И. Родимцева отбила Мамаев курган. Помогли сталинградцам удары авиации под командованием А.Е. Голованова и С.И. Руденко, а также атаки и артиллерийские обстрелы с севера войск Сталинградского фронта по частям 8-го армейского корпуса немцев.

Необходимо отдать должное воинам 24, 12-й гвардейской и 66-й армий Сталинградского фронта, летчикам 16-й воздушной армии и авиации дальнего действия, которые, не считаясь ни с какими жертвами, оказали бесценную помощь 62-й и 64-й армиям Юго-Восточного фронта в удержании Сталинграда».

А вот что писал о Сталинградской битве немецкий офицер, находившийся в армии Паулюса: «В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены, в ротах оставалось, как правило, по 30–40 солдат».

В момент затишья на командном пункте 1-й гвардейской армии собрались Жуков, Ерёменко, Хрущев, Голованов, Гордов и Москаленко – чтобы обсудить ситуацию вокруг Сталинграда и дальнейшие действия.

Жуков даже там лишнего не говорил: «Поскольку Верховный предупредил меня о сохранении в строжайшей тайне проектируемого плана большого контрнаступления, разговор велся главным образом об усилении войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. На вопрос А.И. Ерёменко о плане более мощного контрудара я, не уклоняясь от ответа, сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары значительно большей силы, но пока что для такого плана нет ни сил, ни средств».

При подготовке операции «Уран» Жуков постарался учесть недостатки недавнего контрнаступления под Москвой. Там, где должны были быть нанесены главные удары, концентрировалась артиллерия, способная подавить оборону противника и справиться с его танками. Огромные массы войск и техники перегруппировывались в обстановке глубокой тайны. Задействовано было тридцать тысяч автомобилей и почти полторы тысячи железнодорожных вагонов. Немецкая разведка не обнаружила происходившее, и к середине ноября перегруппировка была завершена. А противник пока еще утешал себя уверенностью, что «русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же силами, какие имелись у них в прошлую зиму».

11 ноября. Жуков – Сталину

«В течение двух дней работал у Ерёменко. Лично осмотрел позиции противника перед 51-й и 57-й армиями. Подробно проработал с командирами дивизий, корпусов и командармами предстоящие задачи по «Урану». Проверка показала: лучше идет подготовка к «Урану» у Толбухина... Мною приказано провести боевую разведку и на основе добытых сведений уточнить план боя и решение командарма...

Две стрелковые дивизии, данные Ставкой (87-я и 315-я) в адрес Ерёменко, еще не грузились, так как до сих пор не получили транспорта и конского состава.

Из мехбригад пока прибыла только одна.

Плохо идет дело со снабжением и с подвозом боеприпасов. В войсках снарядов для «Урана» очень мало.

К установленному сроку операция подготовлена не будет. Приказал готовить на 15.11.1942 г.

Необходимо немедленно подбросить Ерёменко 100 тонн антифриза, без чего невозможно будет бросить мехчасти вперед; быстрее отправить 87-ю и 315-ю стрелковые дивизии; срочно доставить 51-й и 57-й армиям теплое обмундирование и боеприпасы с прибытием в войска не позже 14.11.1942 г.»

12 ноября. Сталин – Жукову

«Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Ерёменко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе. В этом случае наша авиация должна выполнить три задачи.

Первое – сосредоточить действия нашей авиации в районе наступления наших ударных частей, подавить авиацию немцев и прочно прикрыть наши войска.

Второе – пробить дорогу нашим наступающим частям путем систематической бомбежки стоящих против них немецких войск.

Третье – преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбежки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на ближайших рубежах обороны.

Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации.

Поговорите с Новиковым и Ворожейкиным, растолкуйте им это дело и сообщите мне Ваше общее мнение».

14 ноября. Жуков – Сталину

«1. За последние дни на участках Иванова (Ерёменко. – А.Г.) и Федорова (Ватутина) подхода новых резервов противника не установлено, обнаружены лишь внутренние перегруппировки и подтягивание ближе к переднему краю армейских резервов, в частности, румынской танковой дивизии на участке Романенко. В 5–6 километрах от переднего края обороны установлены мелкие группы танков, видимо, этими группами танков противник усиливает оборону своего переднего края. Противником на переднем крае устанавливается проволока, создаются минные поля.

До сих пор не подвезен антифриз, все машины заправляются водкой. Зимних масел и смазки также нет. Многие части, особенно артиллерия усиления, не получили теплового обмундирования.

2. На сегодняшний день все части Федорова вышли в исходные районы и прорабатывают свои задачи. Сейчас все работают над устройством тыла, форсируют подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия.

В период с 9 по 12.11 авиация противника систематически наносила удары по районам сосредоточения частей Федорова. С 12.11 активность авиации резко ослабла. Из опроса пленных, захваченных на различных участках фронта Федорова, установлено, что разговоров в войсках противника о готовящемся нашем переселении нет, видимо, противник не раскрыл нашей группировки и наших намерений.

3. По состоянию частей и ходу подготовки у Иванова и Федорова срок переселения можно назначить 18 или 19 ноября. Дальше откладывать считаю нецелесообразным. О вашем решении и сроке переселения прошу меня известить.

4. 14 и 15.11 буду у Чистякова и Батова проверять ход подготовки. Вечером 16 предполагаю быть в Москве. Михайлов от Иванова прибудет к Федорову 16.11 к 12 часам».

15 ноября. Сталин – Жукову

«День переселения Федорова и Иванова можете назначить по вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у вас возникает мысль о том, чтобы кто-нибудь из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю вас решить и этот вопрос по вашему усмотрению...»

Жуков предложил, чтобы силы Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта двинулись в наступление 19 ноября, а Сталинградского фронта – 20 ноября. Во-первых, это позволяло сгладить разницу в расстоянии, которое надо было преодолеть войскам, выступавшим из разных точек, а во-вторых, являлось дополнительным фактором, долженствующим ввести противника в заблуждение. Сталин согласился.

А 17 ноября Верховный вызвал Жукова в Ставку и приказал заняться организацией отвлекающей операции на московском направлении силами Калининского и Западного фронтов.

За операцию «Марс», проводимую опять на злосчастном ржевско-вяземском направлении, Жукова много раз упрекали – и за то, что назначенной цели она не достигла, и за немалые потери. И столь же часто маршала Победы жалели – мол, Верховный, повинуйся чему-то, подозрительно похожему на каприз, не дал Жукову снискать заслуженные лавры под Сталинградом.

Сам Жуков пишет об этом без явной обиды, более того – из его воспоминаний можно предположить, сама идея отвлекающей операции принадлежала ему, и он же предложил оставить в Сталинграде Василевского. «Чтобы не допустить переброску войск из группы армий «Центр», как я говорил, Ставка приняла решение одновременно с ходом контрнаступления в районе Сталинграда организовать наступление Западного и Калининского фронтов против немецких войск, занимавших ржевский выступ. В период с 20 ноября по 8 декабря планирование и подготовка наступления были закончены».

Ставка сознательно жертвовала оперативным успехом на западе ради стратегического – на юге: немцам была подброшена информация о начале операции «Марс», что позволило им без труда отразить удар.

А вот масштабное стратегическое наступление советских войск под Сталинградом оказалось для вермахта совершенно неожиданным: эффект внезапности был достигнут. «Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе, – писал генерал Йодль. – Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имеющий решающее значение».

Одновременно с этим Жуков продолжал отслеживать обстановку под Сталинградом.

28 ноября. Жуков – Сталину

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская – Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград – Вертячий – Мариновка – Карповка – совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская – Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск в общем направлении на Карповку, с тем чтобы, разорвав фронт наших частей, образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

При благоприятных для противника условиях этот коридор может быть образован на участке Мариновка – Ляпичев – Верхне-Чирская фронтом на север.

Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, – по линии Цыбенко – Зеты – Гниловская – Шебалин.

Чтобы не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

– как можно быстрее отбросить нижнечирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская – Тормосин – Котельниково. В районе Нижне-Чирская – Котельниково держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва;

– окруженную группу противника под Сталинградом разорвать на две части. Для чего... нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника.

После раскола окруженной группы противника на две части нужно... в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда».

Жуков предвидел точно – именно так, как он описывал, командующий группой армий «Дон» Манштейн собирался провести операцию «Зимняя гроза» и прорвать кольцо окружения вокруг армии Паулюса. Поначалу казалось, что ему это удастся, однако 16 декабря войска правого крыла Юго-Западного фронта начали наступление в районе Среднего Дона в рамках операции «Малый Сатурн». Оборона итальянских частей была прорвана, вскоре Манштейну пришлось думать уже не о Паулюсе и его войсках, а о том, как бы самому не попасть в окружение. 8 января войскам Паулюса был направлен ультиматум. Немцы его отвергли, и тогда войска Донского фронта снова двинулись в наступление. 31 января остатки южной группировки во главе с Паулюсом сдались. 2 февраля капитулировали и те, кто еще уцелел в северной группировке.

Прорыв блокады Ленинграда

Пока шло Сталинградское сражение, Жуков был занят сначала обеспечением отвлекающего маневра под Ржевом, потом Острогожско-Россошанской операцией, прошедшей более успешно, нежели «Марс», но даже ее Жукову не довелось завершить лично. Сталин отправил его проверить, что происходит на подступах к Ленинграду, где готовился прорыв блокады – операция «Искра».

Окруженный Ленинград держался уже почти полтора года.

В первых числах января 1943 года Ворошилов, бывший представителем Ставки в Ленинграде, заверил Сталина, что операция «Искра» будет проведена с блеском. Наученный горьким

опытом Верховный насторожился и вызвал с Воронежского фронта Жукова, дабы тот проверил, как в реальности обстоит дело под Ленинградом.

Предчувствие не обмануло Сталина. Едва прибыв на Волховский фронт, Жуков принялся изучать обстановку и нашел изрядное количество недочетов, о чем и доложил в Москву «товарищу Васильеву».

10 января. Жуков – Сталину

«Сегодня был на командном пункте Романовского и Старикова, с которыми подробно разобрал обстановку и принятые решения. Выяснил также обстановку с командиром 128-й стрелковой дивизии и его решение на прорыв.

Основными недочетами в решениях и в обеспечении операции считаю:

1. Дивизии, наступающие в общем направлении на Рабочий поселок № 8 в обход Синявинского узла сопротивления, не имели танков; по опорному пункту Рабочего поселка № 8 не было сосредоточено достаточно огневых средств. Отсутствие танков и ограниченное количество огневых средств не гарантировали успешного прорыва.

2. Взаимодействие на стыках армий, соединений и частей отработано слабо.

3. Расположение дивизионных резервов в боевых порядках было слишком близкое, и по существу резервы превращались во вторые эшелоны. Удаление их от первого эшелона на 1–1,5 км могло привести к большим потерям.

Кроме того, выявлен ряд мелких тактических и технических недостатков.

По всем обнаруженным недостаткам даны исчерпывающие указания Афанасьеву и командармам.

У Афанасьева, по условиям местности, очень плохое артиллерийское наблюдение, которое будет еще более ухудшаться по мере продвижения наших войск по лесистому району. Для того чтобы зря не сыпать снаряды и мины, фронту необходимо срочно придать воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков.

На второй этап операции Волховскому фронту требуется дополнительно следующее количество боеприпасов: 122-мм гаубичных снарядов – 20 000; для пушек-гаубиц 152-мм – 15 000; 120-мм мин – 60 000; снарядов М-30 – 150 000; М-20 – 3000; М-13 – 3500. Эти боеприпасы необходимо получить в период с 18 по 20 января 1943 г.».

Сталин приказал немедленно устранить недостатки. И утром 12 января началась операция «Искра». Владимир Дайнес описывает случай, когда по ходу боевых действий «Жуков отправил одного проштрафившегося командира дивизии командовать полком. Во время прорыва обороны противника этот полк сыграл главную роль на участке наступления, бывший командир дивизии лично повел один из батальонов в атаку. Вечером Жуков вызвал этого офицера, поблагодарил за службу, приказал вернуться к исполнению прежних обязанностей командира дивизии и представил за проявленную храбрость к боевой награде».

18 января войска Волховского и Ленинградского фронтов прорвали кольцо блокады и встретились. «Я увидел, – вспоминал Жуков, – с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду. Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость!»

И в тот же день был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому Жуков становился Маршалом Советского Союза.

На Курской дуге

«Во второй половине дня 18 марта Жуков прибыл в Курск специальным поездом, в котором были бронированный штабной вагон и две платформы, оборудованные зенитными установками, – пишет Дайнес. – Поезд этот передали в его распоряжение, видно, не случайно. Сталин, безусловно, знал, что в бесконечных воздушных перелетах жизнь заместителя Верховного Главнокомандующего несколько раз оказывалась буквально на волоске...».

Борис Соколов в книге «Неизвестный Жуков» пишет: «Л.Ф. Минюк, генерал по особым поручениям при Г.К. Жукове, вспоминал: «Командующий Голиков и член Военного совета Хрущев не могли что-либо конкретно доложить. «Эх вы, магнаты!» – только и бросил в сердцах Жуков свое привычное выражение и отвернулся.

За окном суетились, бегали, что-то грузили на машину штабисты. Прискакал на коне со вспененными боками связной, сунул кому-то пакет с донесением и умчался обратно. Творилась неразбериха – будто в предчувствии скорого нападения танков.

Жуков решительно вышел из помещения, узнал, где фронтовой узел связи, и оттуда позвонил по ВЧ Сталину, доложил обстановку и затребовал срочно двинуть из резерва Ставки все, что находится поблизости, чтобы предотвратить удар противника на курском направлении. Верховный не заставил себя ждать. Немного позже Жукову передали из Генштаба, что к району Белгорода, уже захваченному противником, стягивались войска 21-й армии, 1-й танковой армии и 64-й армии...»

18 марта Белгород был захвачен немцами. Сталин по представлению Жукова снял с должности командующего Воронежским фронтом Голикова. Его сменил Ватутин. Главной задачей на тот момент было не допустить продвижения немцев к Курску.

Утром 24 марта Жуков с группой офицеров на вездеходах отправился на Центральный фронт, которым командовал Рокоссовский. Следующие два дня Жуков работал в штабе фронта, расположенном в населенном пункте Свобода, и по своему обычаю выезжал на передовую. «Он терпеливо выслушивал командиров, их мнения и предложения, даже если они расходились с его собственными. Зато уж если маршал принимал какое-нибудь решение, то требовал его беспрекословного выполнения. Часто общавшиеся с ним сослуживцы отмечали, что Жуков стал более сдержан и уравновешен, уже не срывался на окрики и резкие слова», – пишет Дайнес.

8 апреля 1943 года. Жуков – Сталину

«...Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.